

Лето тянулось бесконечно долго, а душный, липкий воздух по-прежнему намертво окутывал академию Цинъюнь. Учебный корпус Чжу напоминал парилку, и даже стрекот цикад за окном звучал вяло и бессильно.

Линь Янь лежал на столе, прижавшись подбородком к прохладной поверхности. В руке он сжимал почти обгрызенное древко кисти и с тоской смотрел на развернутый Лунь Юй.

Иероглифы на страницах казались ему бесчисленными мелкими насекомыми, которые шевелились и расползались перед глазами. Раздраженно почесав затылок, он смахнул со лба прилипшие от пота пряди черных волос.

— Эх... — вырвался из его груди долгий, полный отчаяния вздох.

Он бросил кисть, откинулся на спинку стула и лениво обвел взглядом тесную комнату. В конце концов его взгляд, словно притянутый магнитом, замер на столе Се Сяо.

Се Сяо сидел с безупречной осанкой, прямой, как сосна. Воротник его индигового халата был застегнут до самой верхней пуговицы, и казалось, он совсем не чувствует этой изнуряющей жары, от которой другие готовы были расплавиться.

Он был полностью поглощен письмом, и кончик кисти, скользя по бумаге, издавал ровное, сухое шуршание.

Взгляд Линь Яня проследил за движением бамбукового черенка и упал на развернутые записи перед Се Сяо.

От увиденного у него округлились глаза!

Лист был исписан мелкими значками, но это были вовсе не те иероглифы, которые он знал! Символы выглядели странно и причудливо: одни напоминали свернувшихся в узел дождевых червей, другие — квадраты с ножками, а кое-где тянулись цепочки из кружочков и точек, перемежающиеся резкими, словно начертанными топором или ножом линиями. Весь лист выглядел так, будто его облепили диковинные насекомые, от него веяло чем-то загадочным и пугающим.

Любопытство, словно кошачья лапка, скребло по сердцу Линь Яня. Он вскочил, подобно коту, обнаружившему невиданную игрушку, и на цыпочках подкрался к столу Се Сяо. Его голова почти уперлась в раскрытые записи, а черные глаза расширились до предела.

— Брат Се! — в голосе Линь Яня слышалось нескрываемое удивление и исследовательский пыл. Он ткнул пальцем в странные знаки: — Что это за заклинания ты рисуешь? Выглядят даже более зловеще, чем талисманы старого даоса из храма Цинфэн! Это чтобы дом оберегать или изгонять нечисть? Может, если прочитать их вслух, эта проклятая жара отступит?

Он склонил голову набок, наполовину в шутку, наполовину всерьез, с видом человека, который жаждет немедленных разъяснений.

В тот момент, когда Се Сяо услышал слова о рисовании заклинаний, его пальцы, сжимавшие кисть, едва заметно дрогнули. Кончик кисти замер в полудюйме от бумаги. Он не поднял головы, лишь опущенные ресницы отбросили на веки тень, скрывая промелькнувший в глубине глаз острый блеск.

Воздух будто застыл на мгновение. Даже цикады за окном на секунду умолкли.

В следующую секунду Се Сяо пришел в движение.

Он действовал молниеносно! Его правая рука, как вспышка, метнулась вперед, и пальцы с хлопком захлопнули тетрадь. От резкого движения поднялся ветерок, заставивший затрепетать чистые листы на краю стола.

— Семейный метод скорописи.

Се Сяо поднял голову и встретил любопытный взгляд Линь Яня спокойным, как гладь озера, взором.

Его голос звучал низко и ровно, словно камень, упавший в глубокий пруд, — ни единой ряби.

Он даже небрежно пододвинул захлопнутую тетрадь к самому краю стола и прикрыл ее толстым томом Да Сюэ.

Линь Янь от неожиданного, почти грубого жеста вздрогнул и втянул голову в плечи. Он посмотрел на бесстрастное, красивое лицо Се Сяо, словно ничего не произошло, а затем перевел взгляд на тетрадь, придавленную книгой. Любопытство в его сердце не угасло, а вспыхнуло с новой силой, будто в огонь плеснули масла.

Семейный метод скорописи? Врешь! У кого это семейная скоропись выглядит так? Это же сложнее, чем любые магические каракули!

Он открыл рот, чтобы задать новый вопрос, но заметил, что костяшки правой руки Се Сяо, сжимающей кисть, побелели от напряжения.

Приглядевшись, он увидел, что на холодных, как нефрит, ушах Се Сяо проступил едва заметный, но вполне отчетливый румянец.

Линь Янь моргнул и проглотил готовые сорваться с языка слова. Он скривил губы и тихо пробормотал:

— ...Секретничаешь...

Разочарованный, он вернулся на свое место, снова взял обгрызенную кисть и принялся терзать себя изучением классики. Однако краем глаза он постоянно поглядывал в сторону Се Сяо.

Се Сяо снова опустил голову, его взгляд был устремлен в книгу, и он казался полностью сосредоточенным.

Лишь он сам знал, что ладонь, сжимающая кисть, покрылась тонким слоем холодного пота, который в душном воздухе казался липким и неприятным.

Глубокая ночь. Везде царила тишина.

Жара немного спала, и снаружи изредка доносилось лишь слабое стрекотание насекомых.

Линь Яня разбудило сильное желание сходить по нужде. В полудреме он откинул тонкое одеяло и босиком, словно лунатик, поплелся к ночному горшку в углу комнаты. Сделав дело, он протер сонные глаза, зевнул и, спотыкаясь, побрел обратно.

В комнате было темно, лишь скудный лунный свет пробивался сквозь окно.

Когда он почти добрался до своей кровати, краем глаза он заметил в стороне постели Се Сяо крошечный, едва уловимый призрачно-голубой огонек, вспыхнувший в темноте и тут же погасший.

Свет был странным: не как от свечи или светлячка, а скорее как от светящейся тонкой прозрачной пластины, зависшей в дюйме над запястьем Се Сяо. Казалось, на ней даже прыгали какие-то размытые тени.

Сон Линь Яня мгновенно улетучился! Он резко замер и, протерев глаза, уставился в сторону постели соседа.

Тьма.

Только смутный силуэт спящего Се Сяо и его ровное, спокойное дыхание. Тот голубой огонек исчез без следа, будто Линь Яню просто привиделось спросонья.

— Э? — Линь Янь недоуменно склонил голову. — Показалось? — Он почесал взъерошенные волосы, широко зевнул, и сонливость вновь навалилась на него.

Да и черт с ним.

Он на ощупь забрался в свою постель, по привычке придвинулся ближе к Се Сяо, плотнее завернулся в одеяло и, пробормотав что-то вроде «чертовщина какая-то», вскоре снова погрузился в глубокий сон.

В темноте Се Сяо резко открыл глаза. Его черные зрачки в ночи блестели, как у ястреба, и в них не было ни капли сна. Он затаил дыхание, слушая мерное дыхание Линь Яня и чувствуя тепло его тела рядом. Лишь убедившись, что сосед снова крепко спит, он медленно расслабил напряженные мышцы. Сердце в груди тяжело и часто билось о ребра, отдаваясь гулом в ушах.

Еще чуть-чуть...

Осень вступала в свои права, и академия организовала для учеников поход в древний храм Цзинсинь, расположенный в глубине задних гор, чтобы они могли насладиться красотой лесов и проникнуться буддийским спокойствием.

Горная тропа была извилистой и неровной, устланной толстым слоем опавших листьев. Дойдя до развилки, они увидели две узкие тропинки, уходящие в густую чащу, — почти неразличимые между собой.

Наставник, ведущий группу, замялся, поглаживая бороду. Несколько оживленных однокашников начали спорить.

— Левая выглядит пошире! По ней точно легче идти! — один из учеников указал на более ровную дорожку слева.

Линь Янь тут же поддакнул:

— Точно-точно! Идем налево! Правая выглядит какой-то жуткой, кто знает, не водятся ли там змеи! — он невольно придвинулся ближе к Се Сяо.

Се Сяо спокойно окинул взглядом обе развилки. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, и под широким рукавом его пальцы едва заметно, бесшумно вычерчивали знаки. На запястье, скрытая от чужих глаз, всплыла голографическая панель, мгновенно переключившись на подробную топографическую карту с наложением анализа геологической стабильности в реальном времени. Левый путь на карте был помечен как рыхлый слой сланца с пометкой «высокий риск оползня», в то время как правый был относительно надежным.

— Идем направо, — голос Се Сяо был негромким, но звучал с неоспоримой уверенностью. Он указал на более крутую и неприметную тропу справа: — Хотя путь здесь круче, основание из

камня прочное, а деревья растут реже. К тому же, если подняться на тот холм, обзор будет лучше.

Его доводы звучали здраво и убедительно. Наставник посмотрел на уверенное лицо Се Сяо, затем на неприметную правую тропу и, наконец, кивнул:

— Слова ученика Се разумны. Что ж, пойдём направо.

Хотя Линь Яню не очень хотелось идти по крутому склону, раз наставник согласился, ему пришлось лишь скривиться и последовать за всеми. Однокашники, сомневаясь, ступили на правую тропинку.

Поначалу все было так, как сказал Се Сяо: хоть подъем был крутым, каменные ступени были твердыми, а лес — не слишком густым, так что солнце пробивалось сквозь листву. Однако, когда они почти добрались до холма, с которого, по словам Се Сяо, открывался «лучший вид», с той самой левой тропы позади послышались крики и глухой грохот!

Все в испуге обернулись.

Там, где еще недавно была ровная тропинка, поднялось облако пыли! Можно было разглядеть, как огромные валуны вперемешку с землей обрушились вниз, полностью перекрыв проход!

— О боги! Обвал!

— Счастье, что мы не пошли налево!

— Брат Се! Ты провидец! Как ты узнал, что справа безопасно?!

Однокашники, бледные от страха, осыпали Се Сяо взглядами, полными изумления и восхищения.

Линь Янь вытаращил глаза, открыв рот буквой «О». Он схватил Се Сяо за рукав, поднял к нему лицо, и в его глазах светились искры чистого обожания, будто он встретил живого бессмертного:

— Брат Се! Да ты просто невероятен! Настоящий предсказатель! Как ты узнал, что слева будет обвал? У тебя что, есть дар видеть горы и читать их дыхание? Научи меня, а?

Се Сяо слегка напрягся от его прикосновения и невозмутимо высвободил руку. На его лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, словно то, чего они избежали, было не опасным обвалом, а пустяковым дождем. Он бросил на Линь Яня холодный взгляд и ровно произнес:

— Горные породы неустойчивы, опавшие листья скапливаются слишком плотно, к тому же вчера был дождь. Левая тропа выходит на солнечную сторону, там выветривание породы сильнее. Просто наблюдение и выводы.

Аргументы были безупречны и логичны до последней детали.

Линь Янь смотрел на его невозмутимое лицо, и чувство восхищения в его сердце грозило выплеснуться через край. Этот «старший брат» не только силен в науках, но и разбирается в геомантии? Да он просто чудо!

Вернувшись в академию, Линь Янь стал еще больше интересоваться диковинными техниками Се Сяо. Однажды днем, слоняясь по комнате от безделья, он заметил в углу стола соседа странную вещицу, сделанную из тонких бамбуковых щепок и воловьих жил.

Конструкция была изящной, похожей на миниатюрный арбалет, но без дуг — лишь изогнутая бамбуковая пластина и туго натянутая жила. Линь Янь взял ее и с любопытством повертел в руках.

— Брат Се, а это что такое? — он поднес штуковину к Се Сяо, который читал книгу.

Се Сяо взглянул на нее:

— Метатель. Пустяк, — коротко ответил он.

— Как им пользоваться? — глаза Линь Яня загорелись.

Се Сяо отложил книгу и взял метатель. Он поднял с края стола гладкий камешек размером с мизинец, который использовался как пресс-папье, и вложил его в натянутую жилу. Затем отпустил пальцы!

— Ш-шух!

Раздался легкий свист рассекаемого воздуха! Камешек, словно стрела, выпущенная из лука, попал точно в паука, плетущего сеть в углу комнаты! Паутина порвалась, а паук в панике сбежал.

— О-о-о!!! — Линь Янь смотрел на это с открытым ртом, а затем восторженно подпрыгнул: — Как здорово! Дай, дай мне!

Он выхватил метатель и, подражая Се Сяо, неуклюже вставил камень, натянул жилу и принялся палить по стенам. Камни летели во все стороны, и он был в полном восторге.

— Брат Се! Как это сделать? Научи меня! Я тоже хочу такой! — наигравшись, Линь Янь снова пристал к Се Сяо, дергая его за рукав с горящими глазами.

Се Сяо, которого так трясло, что он едва удерживал книгу, нахмурился. Посмотрев на Линь Яня, который явно не собирался отступать, он помолчал и холодно ответил:

— Это диковинные техники из старых книг, не стоящие внимания. Конструкция проста, стоит лишь присмотреться, и поймешь сам.

Сказав это, он снова уткнулся в книгу, всем своим видом показывая: не мешай.

Линь Янь скривил губы и пробормотал себе под нос:

— Жадина...

Но метатель из рук не выпустил, продолжая с любовью крутить его в пальцах. У этого брата Се столько странных и необычных вещей!

Глубокая ночь. Линь Янь лежал в своей постели, ворочаясь с боку на бок. Дневные события проносились в голове, словно на карусели.

Тетрадь, исписанная «магическими знаками»...

Призрачно-голубая «светящаяся пластина» в темноте...

«Предсказание», позволившее избежать обвала...

И этот нелепо изящный метатель...

Эти разрозненные фрагменты, словно рассыпанные бусины, постепенно собирались на невидимую нить. Линь Янь вдруг вспомнил то, что было написано в «книге» у него в голове: Се Сяо — попаданец.

Попаданец... Что это вообще значит? Линь Янь пытался представить. Это как в сказках — бессмертный, упавший с небес? Или странник, приплывший из-за океана, из мест, о которых никто не знает?

Он не понимал. Но смутно чувствовал, что это слово может объяснить всю ту странность и загадочность, что окружала Се Сяо. Эти знания, не вписывающиеся в привычный мир, эти неслыханные идеи, эти изысканные «диговинные техники»... все это указывало на глубоко спрятанную тайну.

И эта тайна, словно лакомство с манящим ароматом, властно притягивала Линь Яня. Чем больше он думал, тем больше понимал: Се Сяо — невероятно интересный человек! В десять тысяч раз интереснее, чем столичные мажоры, умеющие только травить собак да петухов!

В темноте Линь Янь перевернулся на бок, лицом к постели Се Сяо. Хотя он видел лишь смутный силуэт, в груди его прыгал от радости маленький кролик.

Он решил! Он будет держаться за брата Се еще крепче! Вытянет из него все секреты по кусочкам! Интересно, что же это за диговинное сокровище — этот «попаданец»?

С этой мыслью Линь Янь, завернувшись в одеяло, еще сильнее придвинулся к Се Сяо, почти касаясь края его кровати. Уголки его губ приподнялись в лукавой и предвкушающей улыбке. Нужно и за «сильное плечо» держаться, и секреты выведывать! Одно другому не мешает!

<http://bllate.org/book/19996/1971892>